

В конторе, после обморока и вопросов Ильи Петровича, Раскольников ощущает страх и болезненно реагирует на любые реплики собеседников. Поэтому молчание воспринимается им как доказательство того, что остальные догадываются о совершенном им преступлении: «— Ни-че-го! — как-то особенно проговорил Илья Петрович. Никодим Фомич хотел было еще что-то присовокупить, но, взглянув на письмоводителя, который тоже очень пристально смотрел на него, *замолчал. Все вдруг замолчали. Странно было*» [С. 83]. Подобная ситуация происходит и в сцене у Порфирия Петровича: «*Раскольников молчал и пристально, твердо смотрел на Порфирия. Разумихин мрачно нахмурился. Ему уж и прежде стало как будто что-то казаться. Он гневно посмотрел кругом. Прошла минута мрачного молчания*» [С. 204]. В таких эпизодах паузы умолчания и ситуации безмолвия становятся знаком *внутреннего разоблачения* самого себя Раскольниковым.

Проверка теории Раскольникова на практике, самой жизнью дается в романе как «овнешнение» идеи. Проблема несовпадения «внутреннего» и «внешнего» в Раскольникове выражается в противопоставлении понятий *не говорить — говорить* (частный случай выражения оппозиции *молчание — слово*). Воплотить идею в жизнь — значит сказать свое «новое слово». Однако после убийства усилия Раскольникова направлены на то, чтобы «не проговориться», не выдать себя. Такое молчание героя имеет два *смысла*. В буквальном — *не проговориться* значит сокрыть преступление, уйти от наказания. В переносном смысле (на уровне скрытого романного мифа) молчание Раскольникова есть следствие его преступления — знак отпадения, отчуждения от всего живого, позиция *вне*находимости, вне Бога и вне Логоса. Очень важна фраза: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; *духом немым и глухим* полна была для него эта пышная картина...» [С. 90]. «Духом немым и глухим» — это формула из Евангелия от Марка, эпизод исцеления одержимого духом немым: «Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немый и глухий! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Марк. 9: 25).

Семантика безмолвия реализуется в описании пространства (пейзажа) в таких значениях, как *немота* и *глухота*. Описание это предельно субъективировано, дается через сознание Раскольникова, подчеркивая отпадение героя от живой жизни и человеческой общности. К концу романа эсхатологическая природа молчания усиливается: «“Так идти, что ли, или нет”, — думал Раскольников, остановясь посреди мостовой на перекрестке и осматриваясь кругом, как будто *ожидая от кого-то последнего слова*. Но ничто не отозвалось ниоткуда; все было *глухо и мертво*, как камни, по которым он ступал, для него мертво, для него одного...» [С. 135].